

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 351–359

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 351–359

<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-3-351-359>, EDN: MMVCFU

Научная статья
УДК 272-789.3(497)|12|

От Египта до Загреба. К истории римско-католических орденов на Балканах

А. М. Лотменцев

¹Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Россия, 115184, г. Москва, Новокузнецкая улица, д. 23б

²Государственная публичная историческая библиотека России, Россия, 101990, г. Москва, Старосадский пер., д. 9, стр. 1

Лотменцев Андрей Михайлович, кандидат исторических наук, доцент, ¹доцент кафедры всеобщей истории Историко-филологического факультета, ²старший научный сотрудник, avlot@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0663-6224>, AuthorID: 370469

Аннотация. В статье рассматривается проблема развития нищенствующих орденов на территории Центральной Европы, преимущественно на территории Хорватии, Славонии и Боснии. Автор предполагает, что деятельность нищенствующих орденов в XIII в. стала одним из наиболее впечатляющих достижений Римского папства в Средние века. В частности, францисканцы смогли не только адаптироваться к условиям проживания в разных областях Италии, но и стремительно обозначили свое присутствие по всей Европе, а затем и вне ее. В будущем нищенствующие монахи сыграют важную роль в обороне Балкан от османских турок при отражении атак османского султана Мехмеда Фатиха. Но уже в середине XIII в. францисканцы и доминиканцы становятся важным интегрирующим фактором и в значительной степени способствуют урбанизации многих стран. Несмотря на то, что в католической историографии история нищенствующих орденов активно изучалась, многие аспекты их расселения и влияния на округу остались нерассмотренными в силу самой специфики работы авторов, традиционно недооценивших влияние католических орденов на урбанизацию. Католические ордена были не только мощнейшим орудием в руках римских пап, они оказывали влияние как на важнейшие аспекты региональной политики, так и менталитет средневековых городских жителей.

Ключевые слова: нищенствующие ордена, францисканцы, доминиканцы, Загреб, Славония, Хорватия, урбанизация

Благодарности: Статья подготовлена в рамках проекта: «Средневековый город. На границе священного и мирского» при поддержке Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета и Фонда «Живая традиция».

Для цитирования: Лотменцев А. М. От Египта до Загреба. К истории римско-католических орденов на Балканах // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 351–359. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-3-351-359>, EDN: MMVCFU

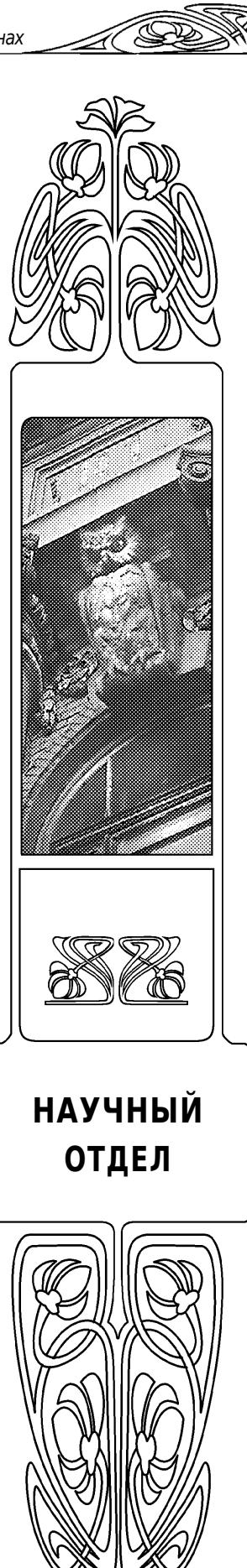
Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

From Egypt to Zagreb. The history of Roman Catholic orders in the Balkans

A. M. Lotmentsev

© Лотменцев А. М., 2025

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

¹St. Tikhon's Orthodox University, 23B Novokuznetskaya St., Moscow 115184, Russia

²State Public Historical Library of Russia, 9 Starosadskiy pereulok, Str. 1, Moscow 101990, Russia

Andrey M. Lotmentsev, avlot@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0663-6224>, AuthorID: 370469

Abstract. The article examines the problem of the development of mendicant orders in Central Europe, mainly in Croatia, Slavonia and Bosnia. The author suggests that the activities of the mendicant orders in the 13th century became one of the most impressive achievements of the Roman Papacy in the Middle Ages. In particular, the Franciscans were able not only to adapt to living conditions in different regions of Italy, but also rapidly established their presence throughout Europe and then beyond. In the future, mendicant monks will play an important role in defending the Balkans from the Ottoman Turks while repelling the attacks of the Ottoman Sultan Mehmed Fatih. But already in the middle of the 13th century, the Franciscans and Dominicans became an important integrating factor and greatly contributed to the urbanization of many countries. Despite the fact that the history of the mendicant orders has been actively studied in Catholic historiography, many aspects of their settlement and influence on the regions have remained unexplored due to the very specifics of their work.

Keywords: Mendicants, Franciscans, Dominicans, Zagreb, Slavonia, Croatia, urbanization

Acknowledgments: The article was prepared within the framework of the project: "A medieval city. On the border of the sacred and the mundane" with the support of the St. Tikhon's Orthodox University and the "Living tradition" Foundation.

For citation: Lotmentsev A. M. From Egypt to Zagreb. The history of Roman Catholic orders in the Balkans. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 351–359 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-3-351-359>, EDN: MMVCFU

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Значение нищенствующих (мендикантских) орденов сложно переоценить при оценке экономической, политической и социальной ситуации в Западной Европе. Для нас особый интерес представляют не столько духовное наследие и влияние на прихожан францисканцев, доминиканцев, кармелитов, сколько их влияние на развитие городов, преимущественно на Балканах и в Центральной Европе [1, с. 284–287]. Хотелось бы уточнить, что особый интерес для нас представляет северная часть Балкан, в частности, провинции Венгерского королевства св. Стефана, которое часто меняя границы, оставалось важнейшим суверенным государством Центральной Европы.

Движение нищенствующих монахов оказалось существенное влияние на сам процесс урбанизации в Центральной Европе. Предполагается, что в рассматриваемых регионах процесс внедрения нищенствующих монахов в городскую среду имел своеобразные черты, которые помогут оценить роль нищенствующих орденов для урбанизации Европы в целом.

Напомним, что при династии Арпадов в XIII в. Венгерское королевство предприняло попытки расширения в разных, в частности, южном и восточном направлениях, но усилившаяся конкуренция с чешскими Пржемысловичами и новым игроком, Габсбургами, вышедшиими из Швейцарии и постепенно сменившими австрийских Бабенбергов, не позволила им добиться серьезных успехов. В то же время резкое усиление позиций римского папства, явно обозначившееся в первой половине XIII в. и получившее затем новый импульс после поражений Фридриха Сицилийского и в итоге гибели всей династии Гогенштауфенов, ознаменовало новую ситуацию в европейской политике.

Параллельно наблюдается рост городов, которые часто стремились к независимости от сеньоров. В конечном итоге их достижения спо-

собствовали становлению крупных государств классического Средневековья. Но даже крупным феодальным сеньорам приходилось принимать во внимание появление цехов или по крайней мере влиятельного патрициата, а также мнение духовных владык, как епископов, так и сообщества монахов.

Влияние христианского духовенства всегда присутствовало в жизни как византийского, так и западноевропейского общества. Нищенствующие ордена смогли прервать древнейшую традицию, согласно которой монах удалялся в пустынью, подобно св. Антонию, или лес, как св. Зебальду [2, с. 153–154]. Монахи видели свое спасение как процесс удаления от людей и достижения идеальной изоляции от всего мирского, бывшего непреодолимым препятствием на пути ко Христу. В православной традиции стремление вести праведную жизнь вне стен монастыря нередко вело к юрдству. Нищенствующие монахи избрали иную стратегию. Они явились в города в броне молитв, папских булл и индульгенций. Их продвижение носило стремительный характер. В городах они захватывали центральные или стратегически важные районы, заводили знакомства среди знати и богатых людей [3, р. 56–127].

Внешний облик западноевропейского города они меняли своими заказами на расширение площадей, где монахи проповедовали на широкие массы населения. Оттеснив приходское духовенство на второй план, францисканцы, доминиканцы и кармелиты заключали договора с коммунами и патрициатом и иногда устанавливали собственные диктатуры, как произошло на излете XV в. во Флоренции.

История нищенствующих орденов начинается на IV Латеранском соборе [4, р. 107], на котором было принято решение о выдаче уставных документов группам сторонников Франциска Ассизского, проявившего себя деятельной аске-

зой в Северной Италии, и Доминика де Гусмана, обеспокоенного отходом многих общин Южной Франции от католической веры. В дальнейшем разница между нищенствующими орденами никогда не будет полностью нивелирована. Хотя францисканцы также активно участвовали в деятельности инквизиции и многие из них успешно преподавали в университетах, за орденом всегда следовал шлейф воспоминаний о тесных связях с германскими императорами и обвинениях в ереси. Не случайно только в наше время римским понтификом стал аргентинский епископ с именем сподобившегося стигматов ассизского подвижника Франциска.

Распространение движения нового монашества за пределы Италии произошло очень быстро. Еще до смерти Франциска Ассизского монахи его ордена путешествовали по многим европейским странам, открывая монастыри и подворья. Основой жажды странствий монахов были путешествия апостолов, пытавшихся охватить максимально доступную часть ойкумены. Желание нести евангельскую весть в конечном итоге стала не менее важной составляющей Великих географических открытий, чем мечта о золоте конкистадоров и перспектива открытия второго фронта против мусульман пиренейских монархов в более поздний период.

В XIII в. урбанизация Европы стала феноменом, заметным как археологически, так и с точки зрения появления новых видов источников информации, имевших зачастую сугубо городской характер [5, р. 21–23]. На новый уровень выходят германские, французские города и английский Лондон [6, с. 320–322]. Фламандские города находят конкурента в Амстердаме, очевидны успехи Ганзейского союза. Благодаря торговле, селедочному промыслу, обретению новых торговых маршрутов резко увеличивается общий бюджет многих городов. Контроль над этим бюджетом со стороны феодальных сеньоров был обременен рядом сложностей. Многим германским городам удалось успешно отстоять свои права. Городской патрициат столкнулся с волей городских цеховых организаций, этническими общинами и христианскими организациями в лице епископата, капитулов и монастырей.

Мы не будем касаться вопросов, относящихся к обширной историографии нищенствующих орденов, которые были рассмотрены, в частности, в статье «“А в четвертой колеснице кони пегие, сильные”». К вопросу об организации францисканских и доминиканских монастырей в городской среде (XIII–XV века)» [7]. В данном исследовании обсуждается специфика балканской и от части центральноевропейской среды, в которую были погружены францисканские и доминиканские монастыри.

Отметим заслуги традиционной хорватской историографии, основы которой в урбанистиче-

ском плане заложил И. К. Ткалич, издатель многотомного сборника документов по истории Загреба. В данном исследовании использовался в основном седьмой том [8]. Его традиции продолжила когорта выдающихся историков, таких как Л. Добронич [9] и наш современник Н. Будак [10]. В советской историографии хорватской урбанистикой занималась Е. С. Макова [11], которая в силу естественных для ее времени ограничений могла касаться вопросов культурной жизни, но не монастырских реалий. Сама констатация, что монастыри выступали важным фактором духовной и экономической жизни региона, была бы воспринята в советской историографии как неоднозначная.

Нищенствующие ордена столкнулись со сложными задачами, когда прибыли в загребский Градец, в котором ремесленники занимали высокое положение и могли выступать судьями и присяжными. В загребском едином пространстве существовали два общественных организма: собственно загребский епископский город, частью которого было пространство Капитула, и свободный королевский город. При этом между ними на протяжении многих веков происходила борьба за ограниченные ресурсы, в частности деревни, в которых проживали податные кметы (города и монастыри выступали в качестве феодальных сеньоров).

История загребского капитула восходит ко временам канонизированного короля Ладислава (Ласло), завоевавшего Хорватию в конце XI в. Поскольку от этого периода сохранилось мало документов, не вполне ясно, существовал ли Загреб ранее. Согласно местной традиции, святой апостол Марк посещал эти земли за тысячу лет до этого. Горожане возникшего после монгольского нашествия Градеца, образованного напротив старого Загреба соперничали с Капитулом за феодальные владения (поседы в хорватской традиции). Периодически жители Градеца и боевые кметы, приываемые канониками (собственно церковными феодалами), сходились на Писаном мосту, прозванном впоследствии Кровавым. Этот конфликт продолжался до XVII в.

Начало истории Градеца и ордена францисканцев совпадают. Предполагается, что Франциск лично посетил Загреб и монастырь ордена был основан вокруг кельи, где он жил во время своего краткого пребывания в городе. В первом приближении легенда о посещении Франциском Загреба не вызывает серьезных возражений, ведь Франциск бывал даже в Египте, где дискутировал с султаном. На одной из фресок Ассизи предстает фигура султана Камиля, который указывает на Франциска, подтверждая его правоту. Предполагается, что Камиль был уверен в истинности христианской проповеди Франциска, но убоился народного гнева. Для Джотто султан символизирует мудрого правителя. Трехчастный

уровень фрески выглядит следующим образом: группа спорящих вокруг костра, небо, разделяющее их, и султан с приближенными. При этом сам Франциск образует со своими оппонентами, которых отделяет от него костер, внутреннее единство. Только он был настроен достаточно решительно, чтобы войти в огонь, в отличие от подразумеваемых суфииев. Султан ассоциируется с царем Соломоном, а Франциск, возможно, с Софией [12].

Иными словами, пребывание Франциска в Загребе, где он, по преданию, остановился в доме вдовы Катарины Галович, не является чем-то невозможным. В Загребе связывали два сюжета: Франциск отправляется на Адриатику, потом гостит у вдовы Катарины Галович и затем уже проповедует перед султаном. Хотелось бы отметить, что первая половина XIII в. – проблемное время с точки зрения массовости источников в Хорватии. Для этого периода у нас нет судебных описей и масштабных доносов со списками подозреваемых. Все это появляется в Загребе в середине XIV в. Подобное явление отражает в целом общеевропейские тенденции. Вопрос о пребывании св. Франциска в Загребе остается во многом открытым. Традиция о том, что Франциск был гостем вдовы Галович намного правдоподобнее версии о пребывании св. апостола Марка на территории Хорватии [13, с. 96–102]. Важным визуальным источником является и изображение события в капелле св. Франциска.

Сама хорватская традиция о пребывании Франциска относится уже к XVII в., притом что после 1209 г. подвижник был очень известной фигурой, обращавшей на себя внимание. Путешествия Франциска отслеживались многими наблюдателями. Похожие истории о нем есть и в других хорватских городах. Они большей частью относятся к портам на Адриатике, присутствуют в Дубровнике, Задаре, и т. д. Дубровницкая традиция несколько отличается: предполагается, что Франциск посетил город не по дороге во владения султана, а для организации общины. Можно предположить, что патриотическая история о посещении Франциском Загреба возникла в ситуации определенного соперничества с Дубровником и отчасти другими далматинскими городами.

Повторим, Устав Ордена, а также последующие документы, принятые в понтификат папы Гонория III, ничего не говорят о порядке основания монастырей или образовании новых общин. Знаменитый историк Загреба И. К. Ткалич также весьма кратко отмечает возможность пребывания Франциска в городе: «Общину францисканцев основал сам св. Франциск Ассизский. В загребском монастыре существует древняя традиция о том, что св. Франциск, возвращаясь из Сирии с братом Иллюминатом, провел некоторое время в Загребе, а жил у богатой вдовы

Кати Галович, ее дом был позже включен в францисканский монастырь и сейчас на этом месте часовня св. Франциска» [8, с. XXXI–XXXVI].

В настоящий момент здание старого монастыря уже снесено (1656 г.). Тогда же была основана славонская францисканская провинция. Новое здание было достроено в 1669 г., а уже в 1674 г. здесь случился пожар. В 1697 г. было достроено крыло здания, которое приобрело форму четырехугольника. При перестройке здания в 1984 г. были обнаружены фундамент и часть стены готического старого здания. Спонсором строительства в XVII в. стал каноник Степан Дойич, бывший одним из видных представителей францисканского ордена. Его герб и девиз изображен на одной из стен (*in terris astrisque fulgebunt*). В наше время там находится табличка с надписью на латыни: «Пресветлый и благородный господин Степан Дойич, епископ крбавский, аббат св. Елены, препозит Чазманский, каноник Загребский, эту часть здания от ворот до церкви оплатил» [13, с. 37].

Раньше францисканский монастырь был крупнейшим зданием Загреба, но в 1729 г. была произведена реконструкция и на Каптоле (как по-хорватски называется район Капитула), уже епископский дворец стал крупнейшим зданием. В дальнейшем он подвергался многократным реконструкциям и даже был частично разбомблен в 1944 г. В 1790 г. часть комплекса была переделана в церковь, а другая часть превращена в госпиталь. Впоследствии здесь был открыт театр Комедии. Капелла св. Франциска сохранилась в наибольшей степени. В юго-восточном углу монастыря перед входом были изображены стихи, рассказывающие о пребывании св. Франциска на Каптоле [13, с. 34–35].

Как можно заметить, история францисканцев с XIII в. и до XVI в. представляется довольно проблематичной, поэтому упоминания о его деятельности имеют особую ценность. Обратимся к документам, опубликованным в *Monumenta historica Zagabiensis* И. К. Ткаличем. В 1425 г. бен Иван, сын Рудольфа Албена, в присутствии своего брата (печуйского епископа) Ивана Литерата и городского доктора Влкана поручил купить за упокой своей души участок, который должен был отойти францисканскому монастырю [8, с. 51]. Поручители должны были проследить, чтобы сделка была совершена за 80 форинтов (флоринов), которые должен был предоставить Михаил, сын судьи Себастиана, причем участок был довольно обширным и включал мельницу и небольшой садик. Представители ордена дали письменные гарантии, что мельница и сад останутся под контролем городской общины. В 1433 г. епископ Загреба Иван Албен (родственник предыдущих) оставил францисканцам 50 форинтов [8, с. 72].

В 1433 г. Джуро Бакша завещал передать монастырю францисканцев свое оружие, с услови-

ем, что его похоронят на территории монастыря [8, с. 78]. Некто Матия Фаркаш, сын дворянина Эгиdia, устно в присутствии поручителей завещал после смерти его и жены Кати продать участок для сенокоса, а полученные деньги передать в качестве задужбины францисканскому монастырю. Интересно, что в хорватской традиции понятие задужбины (вклада в церковь или даже строительство самого храма) встречается значительно реже, чем в сербском. Катя после смерти мужа продала этот участок своему родственнику за 15 форинтов (в июне 1453 г.) [8, с. 232]. Эти деньги, однако, были изъяты и переданы представителю монастыря Бенедикту. Наконец, в 1499 г. епископ Освальд также завещал 25 флоринов монастырю [8, с. CLXV–CLXXII].

Мы знаем, что францисканцы присутствовали в городе, пользовались влиянием, получали недвижимость и доходы с нее, значительные пожертвования. Они успешно отстаивали свои интересы в суде. Монастырь располагался в центре города. Имеется возможность сравнить их имущественное положение с представителями других орденов, например, с традиционными конкурентами из нищенствующих монахов, доминиканцами.

Доминиканцы имели в Загребе свой монастырь на Лашкой улице. В 1433 г. епископ Иван Албен завещал им 50 форинтов, также как францисканцам. В 1453 г. велся судебный процесс о доходах храма св. Марка и им пришлось уступить четверть доходов [8, с. 236]. Первое владение доминиканцев известно с 1315 г., но его пришлось заложить медведградскому кастеляну Рейнольду. В более позднее время владелец этой деревушки (Близна) Павел Старачкий, капитан Градецца, отправляясь на войну с турками передал ее монахам-паулинам. Интересно, что судебная тяжба по этому поводу между паулинами и доминиканцами длилась с 1377 по 1461 гг., когда доминиканцы уступили права паулинам за 100 форинтов [8, с. 268].

В 1462 г. доминиканцы вынуждены были просить помощь у короля Маттьяша для обновления Свято-Николаевского монастыря. В связи с этим король пожаловал им право сбора пошлины при проезде через королевский мост в течение пяти лет. Более того, в 1464 г. король дозволил дворянам и людям всякого сословия передавать доминиканцам свою недвижимость, а монастырь получил право на получение любых даров [8, с. 284–285]. Как видим, францисканцы и доминиканцы (а также паулины из города Ремет) действительно были конкурентами в вопросах наследования имущества. Для выживания сравнительно большого количества монахов в условиях острой конкуренции с другими орденами необходима была площадка для проповедей, недвижимость, доходы, что в условиях

скромной средневековой периферийной экономики (а также боевых действий против турок) было большой проблемой. Наличие нескольких монашеских орденов делало конкуренцию особенно острой. Действительно, Загреб был совсем небольшим городом (до 5 тыс. человек) включая Градец, и содержание нескольких монастырей в таких условиях казалось непосильной задачей. Исходя из наших источников, основным источником дохода были епископские пожертвования и объекты, находящиеся под экономическим контролем монашеских общин. Монастыри могли выступать коллективным феодалом, как и градецкая община.

Атаки турецкого султана Мехмеда Фатиха (1451–1481) заставили доминиканцев направить в адрес короля Маттьяша Корвина очередное прошение о помощи с переселением в загребский Градец. В условиях продвижения турок их монастырь, не имеющий укреплений, мог стать легкой жертвой османов. В городе им уже принадлежала часовня св. Екатерины, вокруг которой предполагалось развернуть строительство. Король не только пошел доминиканцам навстречу, но и позволил им купить два соседних участка с часовней для расширения территории. Папская курия также дала разрешение в 1473 г. на оставление Свято-Николаевского монастыря и переселение в Градец, причем обосновывая это не только уже приведенными фактами, но и тем, что горожанам слишком далеко идти до монастыря, где они могли бы укрепиться в святоотеческой науке. Мы получаем лишнее свидетельство о важной роли нищенствующих монахов в средневековом обществе. Загребский епископ также выразил мнение, что Свято-Николаевский монастырь следует полностью снести, а монастырь в Градецце должен быть обеспечен dormitorием (спальным помещением для монахов), трапезной, огражденным садом, при котором будут осуществляться захоронения, к капелле должна быть пристроена звонница. И так благодаря случаю с переселением может возникнуть впечатление, что доминиканцы играли более важную роль в Загребе, чем францисканцы [14, с. 94–96].

Остается вопрос о том, носило ли присутствие нищенствующих монахов в Хорватии случайный характер и не было ли оно выражено исключительно в Загребе. Особые позиции этих орденов в городах уже отмечались. Наибольших успехов нищенствующим монахам удавалось добиться именно в крупных центрах, в Риме, Флоренции, Лондоне, Болонье, где доминиканцы управляли первым полноценным европейским университетом. Загреб и Градец, безусловно, по экономическим возможностям, количеству населения и другим факторам урбанизации многократно уступали перечисленным средневековым мегаполисам. И в то же время есть некоторые общие черты, сближавшие

жителей Градеца с итальянскими поселениями. Хотя деятельность монастырей во многом разворачивалась независимо от этнической принадлежности монахов, на примере ряда монастырей известно, что в большинстве своем местные насельники не собирались перебираться в монастыри иных областей [15, р. 151–153]. При этом в Градеце проживало много итальянцев, немалая часть из которых была флорентийского происхождения. Именно они составили основу населения францисканского и доминиканского монастырей на территории города и в его окрестностях. Но можно ли считать типичной ситуацию в Загребе?

Занимаясь вопросом развития монастырей в Центральной Европе и того, как им удавалось вписаться в городскую среду, мы констатировали заметный итальянский (а также французский) элемент в ряде аспектов урбанизации и строительства монашеских общин. Далее мы кратко обратимся к монастырям, расположавшимся на территории Венгерского королевства (включавшего хорватские, словацкие и далматинские земли). Польские земли и тем более земли, принадлежавшие Гедиминовичам, мы оставляем за скобками. Безусловно, рассматриваемые территории были давно христианизированы, преимущественно во второй половине X – начале XI в. Короли Богемии и маркграфы Моравии имели особые отношения с германскими королями. Связи Польши и Венгрии с папством представляются более тесными. Что касается урбанизации этих земель, то города находились скорее в стадии становления, причем значительную роль в этих процессах играли госпиты, переселенцы из германских, итальянских и в меньшей степени французских регионов. По этой причине роль нищенствующих орденов представляется здесь, с одной стороны, потенциально значительной, а с другой – недостаточно изученной.

Венгерское королевство переживало непростые времена после прекращения династии Арпадов. В ходе гражданской войны ситуация была дестабилизована и претензии победившей Анжуйской династии Карла Роберта и его наследника Лайоша Великого на Неаполь привели к войнам, продолжавшимся весь XIV в. После смерти Лайоша Великого в 1382 г. вокруг его дочери Марии, попавшей в плен к хорватам, убившим ее мать, вдову Лайоша Елизавету, разворачиваются интриги, и приход к власти Сигизмунда Люксембурга, претендовавшего также на чешский трон, способствовал децентрализации и феодализации страны [16, р. 227–234]. Поскольку Люксембурги были традиционно связаны с иными регионами (Люксембург, Лотарингия, затем Чехия), в Венгрии и Хорватии они могли надеяться лишь на союз с местными феодалами, но не контроль над ними.

В Хорватии власть Сигизмунда была достаточно номинальной, что оказало негативное влияние на королевские города, ожидавшие гораздо более значительной поддержки от короны св. Стефана. Брак Сигизмунда с графиней Цилли привел к созданию практически независимого государства во главе с ее отцом Ульрихом, который пытался даже приватизировать Загреб [8, с. 256].

Для нас существенно, что францисканцы прибыли в Венгрию из Боснии около 1350 г. и владели 12 монастырями. Усиление их позиций связывают с Констанцским собором 1415 г., преодолевшим схизму [17]. Долгое время новые монастыри относились к боснийскому викариату францисканского ордена, и только в 1448 г. был образован новый венгерский. В 1517 г. была учреждена специальная венгерская провинция. В нее входили 72 общины, объединявшие около 1700 монахов. Их общее число увеличивалось несмотря на военные кризисы. При этом из ранних общин начала XIII в. уцелели только Карапсебеш в современной Румынии и Джаково в Хорватии. За этими монашескими общинами явно стояли аристократы. Связь эти монастыри с урбанизацией достаточно сложно. Так, Филиппо Сколари основал монастырь у своего Озорского замка; Николай Уйяк – у своей резиденции в Палоте; наконец, король Сигизмунд – рядом со своим замком в Вышеграде. В целом следует признать малую зависимость монастырей от урбанистической сети Венгрии, чье развитие, безусловно, уступало итальянскому. Нищенствующие монастыри существовали в крупных городах, Буде, Пеште, Эстергоме. Ассамблеи проходили раз в три года, и их организовывали видные магнаты королевства. Немалую роль в функционировании ассамблей сыграл известный Янош Хуньяди, кстати, поддерживавший более францисканцев-обсервантов [18].

Важной задачей францисканцев стала поддержка населения на пограничных территориях, а в некоторых случаях содействие его переселению. Матьяш Корвин возлагал значительные надежды на паулинов и особенно обсервантов [18]. Государственная поддержка оказывалась им в первую очередь. Приходилось производить переучет церковной собственности, поскольку Матьяш вел активную военную политику, и османы не были даже первыми в его списке приоритетов.

Рассмотрим историю мендикантов в небольшом сремском городе Илоке, связанном с упоминавшимся католическим святым Иоанном Капистрано. Илок одно время считался столицей Боснийского государства (уже в середине XIV в.), и кажется интересным провести параллели между ним и Загребом [19, р. 37–41]. Основателем общины выступил некий Угрин, родственник графа Николая Конта. Это семейство, оставаясь в тени, претендовало на реги-

ональную власть. Впоследствии Николай Конт, потомок графа с тем же именем, сможет даже назвать себя боснийским королем, и его некоторое время признавал Матьяш Корвин. Францисканцам принадлежали здесь два здания: Успенская церковь Богородицы и собственно монастырь. Они находились рядом и в XV в. образовали единое пространство *claustrum B. Marie Virginis fratrum minorum*. Впоследствии здесь будет построена часовня, в которой упокоится герой осады Белграда Иоанн Капистрано. Количество монахов, вероятно, не превышало 30 человек. К нищенствующим монахам относились также августинцы, но где был расположен их монастырь неизвестно. Когда было принято решение о приглашении в город монахов ордена св. Августина остро встал вопрос о расстоянии от августинского монастыря до францисканского, предполагалось, что оно должно было быть не менее 230 м. Существуют документы об имущественных спорах между монастырями. Следует иметь в виду, что в Илоке, вероятно, проживало более 2000 человек. Для сравнения — под конец XV в. даже в Буде и Пеште, тогда, очевидно, самостоятельных городах проживало около 8 тыс. человек [19, р. 43–48].

В городе Славонски Брод присутствие францисканцев прекратилось в начале XVI в., когда город был занят турками [20, с. 24–27]. Брод получил статус города (*civitas*), наряду с Вуковаром, Вировитицей и Пожегой. Статус был утвержден в 1230–40-х гг., когда возник и известный нам Градец. В документе 1244 г. король Бела одобряет дарование его братом Коломаном некоторых земель боснийскому епископу, в документе упоминается Брод. В местной традиции утверждается, что Франциск через Германию дошел до Чехии и Венгрии, а посетив Венгрию, добрался и до Славонии [20, с. 43].

Вероятно, в Боснии францисканцы появлялись в качестве представителей папы. Так, в 1248 г. представитель миноритов побывал в Сплите, в 1288 г. в Сербию прибыло посольство братьев Марина и Киприана (к королю Милутину). В 1330 г. францисканцы стали вытеснять доминиканцев как инквизиторы. Видимо этим отчасти объясняется их влияние в Боснии, где они занимались вопросами борьбы с богомилами. Владения им предоставил бан Степан Котроманич (1322–1353) [21, с. 17–18].

Этот правитель столкнулся со знаменитым царем Душаном. Степан Котроманич перешел в католицизм и предоставил легату папы Герарду Одонису право на создание францисканской экстерриториальной общины. В 1339 г. Герард выступил на синоде францисканцев в Ассизи и объявил о создании боснийского викариатства.

Провинция Славония была основана миноритами в 1232 г. При этом следует иметь в виду, что сам термин Славония (*Sclavonia*) на латыни страдает некоторой неопределенностью, и если

Вы не патриот Иллирии, а, скажем, рядовой папский писец (или даже деятель курии) средней образованности, то вполне могли спутать Славонию и Далмацию или даже понять ситуацию так, что речь идет о некоторых неопределенно славянских землях на востоке. Ведь Словакия и Словения называются одинаково, а например, чем отличается Славония и Хорватия, и сейчас непросто понять.

Напомним, что под Славонией чаще всего подразумевают восточную часть Хорватии, уходящую в сторону Срема. Но до образования Славонского королевства при Габсбургах в венгерские времена нельзя говорить о каких-то особых границах между Хорватией и Славонией. И дело не только во владении этими землями венгерской короной. Принципиальный вопрос заключался в том, какие земли смогли захватить османы, а какие все-таки удерживались христианами. Во всяком случае, в данном контексте Славония и Хорватия противопоставляются Далмации. Более того, францисканцев Брова связывали в первую очередь с Боснией, и в литературе принято говорить о боснийских францисканцах [20, с. 46–50].

Характерно, что боснийские монастыри заселились францисканцами из Далмации (в основном Дубровника, Трогира и Задара), и происходило это не раньше собора 1339 г. Наместник провинции менялся каждые три года, для чего в провинцию направлялся специальный визитатор. В 1517 г. Босанская викария получила статус провинции. Перепись монастырей Боснийского викариатства была проведена около 1380 г. При этом обращает на себя внимание, что Босанское викариатство включало в себя кустидию Мачванскую, Бугарскую и Ковинскую (Смедерево), т. е. в нашем понимании северно-сербские земли. Другой вопрос, что в канун Косовской битвы не так просто понять юридический статус тех или иных провинций бывшей империи Стефана Душана. Согласно решению папы Николая V, Босанское викариатство простиралось от Дравы до Адриатики.

Францисканцы смогли успешно обеспечить свое присутствие на всей боснийско-хумской территории и в значительной части восточного Захумья [21, с. 19]. При этом восточный и западный Хум имели различное политическое подчинение, а также культурную традицию. В западном Хуме особое влияние имел архиепископ Дубровника. Большую поддержку францисканцам здесь оказывало феодальное семейство Юрьевичей-Влатковичей. Можно сказать, что в Хуме францисканские монастыри были основной опорой римского католицизма. Как легко догадаться, эти монастыри были уничтожены по ходу продвижения османов. При этом особым вопросом являются отношения францисканцев со священниками глаголящими —

православными священниками кирилло-мефодиевской традиции, долгое время сохранявшими свое влияние в регионе.

Вплоть до конца XVII в. османские власти особенно не притесняли местных католиков, чьим центром стали Чипровцы, пока здесь на фоне Великой Турецкой войны (1683–1699) не вспыхнуло крупное антиосманское восстание [21, с. 24].

Положение нищенствующих орденов в Венгерском королевстве и входивших в его состав областей мало отличалось от той ситуации, в которой находились итальянские и французские монастыри. Развернувшие деятельность в городах обители были таким же важным фактором урбанизации, как монастыри в Риме, Флоренции или Лондоне. В то же время создание сети городов в Центральной Европе в большей степени зависело от королей и феодалов. Само их создание предполагало привлечение населения из Германии или Италии. Причины заключались в том, что Центральная Европа исторически подвергалась значительным опустошениям, и до начала IX в. входила в состав Аварского каганата. Начавшееся возрождение было существенно замедлено венгерским захватом, и только христианизация Венгрии позволила начать длительный процесс интеграции в Европу. Нищенствующие ордена сыграли здесь достаточно заметную роль.

Подводя итоги, отметим, что францисканское движение развивалось достаточно быстро. Безотносительно к факту пребывания св. Франциска в Загребе об этом свидетельствует присутствие монахов в Хорватии уже при его жизни. Хорватская провинция Ордена в рамках Венгерского королевства (*Provinciae Hungariae*) в 1270 г. делится на Загребскую, Печуюскую и Сремскую части. Первый монастырь францисканцев в Загребе возник, видимо, в 1233 г. С 1339 г. начинают работу босанский викариат, который действовал на границе Славонии и который был зависим от далматинских епископов. Высказывалось предположение, что с деятельностью францисканцев связано принятие христианства в некоторых отдаленных районах Боснии. После наступления османов в 1510-х гг. многочисленные боснийские монастыри были опустошены, но значительная часть монахов перешла в Славонию или Хорватию. Некоторые из них откочевали достаточно далеко в Краньский край или даже Австрию. С именем Драшковича связывают возрождение монашеской жизни в начале XVII в. В полной мере положение францисканцев было восстановлено в 1661 г., когда была воссоздана провинция св. Ладислава.

Список литературы

- Усков Н. Ф. Монастыри в городе // Город в средневековой цивилизации Западной Европы : в 4 т.

- Т. 1 : Феномен средневекового урбанизма / отв. ред. А. А. Сванидзе. М. : Наука, 1999. С. 284–312.
- Зебальд В. Г. Головокружения. М. : Новое издательство, 2018. 234 с.
- Bruzelius C. Preaching, Building, and Burying. Friars in the Medieval City. Rochester ; New York : Yale University Press, 2014. 256 p.
- Fraher R. M. IV Lateran's revolution in criminal procedure: the birth of «Inquisitio», the end of ordeals and Innocent III's vision of ecclesiastical politics // Studia in honorem Eminentissimi Cardinalis Alphonsi M. Stickler / publ. L. Castillo, I. Rosalius. Roma : Università Pontificia Salesiana, 1992. P. 97–111.
- Blockmans W. Urbanisation in the European Middle Ages. Phases of openness and occlusion // Living in the City. Urban Institutions in the Low Countries 1200–2010 / ed. by L. Lucassen, W. Willems. New York : Routledge, 2011. P. 16–27.
- Чернова Л. Н. Лондон и города Англии в 1350–1370 гг.: социально-экономический аспект взаимоотношений // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 319–328. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-3-319-328>
- Лотменцев А. М. «А в четвертой колеснице кони пегие, сильные». К вопросу об организации францисканских и доминиканских монастырей в городской среде (XIII–XV века) // Человеческий капитал. 2024. № 12 (192). С. 27–37. <https://doi.org/10.25629/HC.2024.12.02>
- Tkalčić I. Krst. Povjestni spomenici slob. kralj. grada Zagreba priestolnice Kraljevine dalmatinsko-hrvatsko-slavonske. Zagreb : Brzotiskom K. Albrechta, 1894. Sv. II. 851 s.
- Dobronić L. Biskupski i kaptolski Zagreb. Zagreb : Školska knjiga, 1991. 280 s.
- Budak N., Raukar T. Hrvatska povijest srednjeg vijeka. Zagreb : Školska knjiga, 2006. 447 s.
- Макова Е. С. Из истории социально-экономического развития славонского города XIII–XVII вв. М. : Издво МГУ, 1980. 106 с.
- Пешке И. Монументальная живопись эпохи Джотто в Италии. 1280–1400. М. : Белый город, 2003. 456 с. (Классика Мирового искусства).
- Dobronić L. Zagrebački Gornji grad nekad i danas. Zagreb : Školska knjiga, 1988. 421 s.
- Лотменцев А. М. Османы под стенами Градца // Восточный архив. 2006. С. 94–98.
- Gustafson E. Medieval Urban Planning: The Monastery and Beyond / ed. by M. Abel. Newcastle : Cambridge Scholars Press, 2017. 260 p.
- Bak János. Queens as Scapegoats in Medieval Hungary // Queens and Queenship in Medieval Europe / ed. by Anne J. Duggan. Martlesham : Boydell Press, 2008. P. 223–234.
- Romhányi B. F. Das Konstanzer Konzil und die Ankunft der Franziskanerobservanz im mittelalterlichen Ungarn // Das Konzil von Konstanz und Ungarn / ed. A. Bárány. Debrecen : Universität Debrecen, 2016. S. 237–250.

18. Romhányi B. F. Domonkos kolostorok birtokai a későközépkorban // Academia. URL: https://www.academia.edu/5123634/Domonkos_kolostorok_birtokai_a_későközépkorban_Estates_of_Dominican_convents_in_Late_Medieval_Hungary_english_version_translated_by_the_Author?nav_from=ce3d417e-4b6a-4a0d-b0e6-cd4b1435a38b
- (дата обращения: 10.01.2025).
- 19.. Andrić S. The Miracles of St. John Capistran. Budapest ; New York : Central European University Press, 2000. 454 p.
20. Cvekan P. Franjevci u Brodu. Slavonski Brod : Brodsko-posavska livada, 1984. 101 s.
21. Korać D. Franjevci i njihovi samostani u Humu // Croatica Christiana periodica. 2007. Vol. 31, № 60. S. 17–33.

Поступила в редакцию 15.12.2024; одобрена после рецензирования 17.12.2024;
принята к публикации 12.04.2025; опубликована 29.08.2025

The article was submitted 15.12.2024; approved after reviewing 17.12.2024;
accepted for publication 12.04.2025; published 29.08.2025